

русский поп

Максим Кононенко
(Mr. Parker)бесконечные
жизни Земфиры

О четвертом альбоме Земфиры «Вендетта» пишут все, на его презентации в московской галерее ArtPlay собрались практически все действующие музыкальные журналисты Москвы. На нее (как можно об этом не упомянуть?) из Лондона на своем самолете специально прилетел Роман Абрамович. Интересно, что презентация предыдущего альбома певицы «14 недель тишины» проходила куда как более тихо и скромно, а ведь тот выходил после феерического успеха «Прости моя любовь», и ожидания от него были не меньшие. После «14 недель тишины» о Земфире стали писать как о живой легенде — ну и ладно, что альбом продавался совсем не так, как предыдущие, зато мы помним, как оно было вначале. Но Земфира не растратила своего креативного дара. Более того, этот ее дар несколько трансформировался, в результате чего практически любой человек, впервые слушающий «Вендетту», смотрит на колонки расширенными от удивления глазами. Смотрит, а сказать ничего не может. Как не могли ничего сказать собравшиеся не так давно на обсуждавшую Земфиру телепрограмму «Пять вечеров» журналисты, музыканты и радиоведущие. Ну нечего сказать про эту работу. Нас только она широка и необъяснима.

То, что напишу в этой колонке про «Вендетту» я — сугубо личные, персональные ощущения. Наверное, впервые в своей практике я не стану делать обобщений от имени моего народа. По двум причинам. Во-первых, Земфира не велит так делать. Во-вторых, как альбом «Вендетта» распадается на 15 совершенно разных песен, так и мой народ при прослушивании этой работы, скорее всего, распадается на множество отдельных людей, для каждого из которых нарисованные Земфирой картинки означают совершенно разное.

Она просто рассказывает о себе, и шокирующе простой мир одной из главных поп-звезд страны оказывается абсолютно неотличим от мира любого вчерашнего школьника, нынешнего студента, завтрашнего лузера, последовательно и неотвратимо идущего к кризису среднего возраста

Для меня этот альбом — темный. Не сумеречный, а именно темный, времени этак около двадцати трех часов, в отдаленном районе большого, но провинциального города, где один фонарь на пятьсот метров опустевшей дороги и сериалы про ментов/антибиотиков за желтыми занавесками панельных двухкомнатных квартир. Земфира не первый год живет в Москве и ведет себя совсем как столичная жительница — но внутри у нее все равно осталась Уфа, как у меня внутри, после шестнадцати лет в Москве, все равно остались Апатиты. Как в душе у любого внутреннего мигранта навсегда остается мир, от которого так хотелось бежать в юности. «Вендетта» — это пятнадцать рассказов о периферии. О периферии географической, о периферии душевной, о периферии интеллектуальной. Земфира где-то сбоку, она просто рассказывает о себе, и шокирующе простой мир одной из главных поп-звезд страны оказывается абсолютно неотличим от мира любого вчерашнего школьника, нынешнего студента, завтрашнего лузера, последовательно и неотвратимо идущего к кризису среднего возраста, тихому алкоголизму, разводу, сериалам про ментов/антибиотиков, потрепанным «Жигулям» и размышлениям о том, какая же все-таки сволочь этот Абрамович, который прилетает к Земфире на концерт на самолете за миллиард

долларов, пока учителя и врачи (де-ти в Африке, латиноамериканские революционеры, албанские крестьяне) недоедают.

В этих песнях нет ни театрального пафоса Пугачевой конца 1970-х, ни тысячи смыслов эстетствующего Бориса Гребенщикова 1980-х — нет ничего, кроме простой и потому убийственной правды жизни. Не той «правды жизни», которой хлестали по мордам как бы ничего не подозревавших горожан песни «Наутилу-са-Помпилиуса» или кинофильм «Маленькая Вера», не бытовухи с поножовщиной и судебного раздела имущества, а обычной, нормальной, неплохой жизни обычного, нормального, неплохого человека. Шесть лет назад Земфира «ворвалась в нашу жизнь, и мы обалдели» — ворвалась неумной, надрывной истерикой провинциальной девочки, которую никто не любит. Истерика закончилась, девочка успокоилась и теперь как будто живет со мной в одном подъезде.

В этих песнях нет ни театрального пафоса Пугачевой конца 1970-х, ни тысячи смыслов эстетствующего Бориса Гребенщикова 1980-х — нет ничего, кроме простой и потому убийственной правды жизни

Мы встречаемся в лифте, привет-привет, стараемся не смотреть друг на друга, выходим на улицу, и один из нас нарочно идет быстрее, а другой нарочно идет медленнее, чтобы подойти к автобусной остановке в разное время, а еще лучше — остановиться возле развала с газетами и что-нибудь такое выбрать. У каждого из нас свой мир, но у нас и один мир на двоих — тот самый подъезд, утренний лифт и привет-привет. Если однажды мы разговоримся в этом лифте и по дороге к автобусу, то окажется, что у нас практически одна и та же жизнь. Да, в ее мире люди с одними именами, а в моем — с другими. Могут отличаться названия кафе, любимых книг, марки спиртного и сигарет. Но и только. Все остальное — одно и то же. Одно и то же у нас с ней. Одно и то же у других жителей нашего подъезда. Одно и то же у всех жителей нашего дома. Одно и то же у всех жителей нашего города, страны, планеты, вселенной. Одно и то же, каждый раз проживаемое по-разному. Я слушаю «Вендетту» и проживаю жизнь. Слушаю ее еще раз — и проживаю другую жизнь. Слушаю этот альбом пятьдесят раз — и проживаю пятьдесят жизней. Мой жизненный опыт фактически безграничен — но он ничего не значит, поскольку несмотря на то, что все эти жизни мной прожиты, они все в общем-то одинаковы. И каждая из них дорога и бессмысленна.

Спросил — ответила.

Случилось — написала песню. Написала песню — спела. И единственный вопрос, который остается без ответа: почему так больше никто не может сделать?

Предельная естественность, с которой Земфира не только сочиняет песни, но даже и разговаривает, порою ставит меня в тупик. Я человек, привыкший утрировать, провоцировать и присочинять — мне кажется, что так будет интереснее моему читателю. Земфира в эти игры не играет. Спросил — ответила. Случилось — написала песню. Написала песню — спела. И единственный вопрос, который остается без ответа: почему так больше никто не может сделать? Почему ни у кого так не получается?

Она и сама не знает, почему.